

Инок ПАРФЕНИЙ (АГЕЕВ)

АВТОБИОГРАФИЯ

«Индрик» 2009

Парфений (Агеев) Автобиография

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10525482

Автобиография монаха Парфения (бывшего в Молдавии раскольника, затем постриженника русского Пантелеимонова монастыря на Афоне):

Индрик; Москва; 2009

ISBN 978-5-91674-021-9

Аннотация

«Автобиография» постриженника Святой Горы Афонской инока Парфения (Агеева) в полном своем объеме издается впервые и является дополнением и продолжением его знаменитого «Сказания о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле». Написанная значительно позднее «Сказания», она содержит уникальные сведения о семье и детских годах автора, а также о сибирском периоде жизни отца Парфения в 1847–1854 гг. Текст печатается в соответствии с правилами современной орфографии, с сохранением особенностей стиля и языка автора. На обложке воспроизведен вид Старокафедрального Благовещенского собора на Старособорной площади города Томска с открытки начала XX века.

Содержание

Введение	5
Автобиография монаха Парфения бывшего в Молдавии раскольника, затем постриженника русского Пантелеимонова монастыря на Афоне	13
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**Автобиография
монаха Парфения
(бывшего в Молдавии
раскольника, затем
постриженника русского
Пантелеимонова
монастыря на Афоне)**

© Игумен Евмений (Лагутин), 2009

© Александр Панин, 2009

© Издательство «Индрик», 2009

* * *

Введение

Для людей, живущих в настоящее время, характерна двойственная позиция в отношении их к истории прошедшей дореволюционной эпохи нашего государства. С одной стороны, есть довольно жесткая историческая картина, преподанная нам школой советского «реализма» и вызывающая чувство неудовлетворенности, а в большей степени сомнительности ее взглядов и интерпретаций исторических фактов. Особенно обостряются эти чувства при внезапном вскрытии многих искусственно замалчиваемых десятилетиями фактов жизни наших соотечественников того времени.

С другой стороны, в последнее время активно формируется новый, так сказать, уточненный и дополненный исторический взгляд, который в силу многих вновь открывающихся реалий того времени, в корне изменяет историческую картину жизни людей в дореволюционной России. Перед нами все больше открывается еще не известная нам православная страна с до боли родными, забытыми, но желанными контурами жизни, в основе которой лежали столетиями насаждаемые христианские мораль и нравственность.

Люди, приступающие к таким документам или не известному широким массам историческому литературному наследию, подобны золотоискателям, обнаружившим золотоносную жилу большей или меньшей мощности.

Именно такое сравнение с золотоносной жилой возникает при знакомстве с литературным наследием о. Парфения (Агеева). Чувство радости наполняет православную душу от возможности соприкоснуться и увидеть умным взором собранные и талантливо описанные им в подвижнических паломнических странствиях по Святой Руси и святым местам за границей. Это можно сравнить с творением преподобного Иоанна Мосха «Луг духовный», только приложимым к российской дореволюционной действительности.

По общему признанию, христианская жизнь нынешнего поколения верующих поверхностна и немощна, и этим, естественно, накладывает определенные ограничения на глубину нашего православного мировоззрения.

Тем более ценным являются произведения о. Парфения, позволяющие в доступной всем форме увидеть всю палитру православной жизни ушедшего столетия. Его описания личных контактов и бесед с известными старцами, монастырским укладом многих обителей, святынь и притекающих к ним паломников укрепляет наши немощствующие души реальными историческими примерами.

Такие произведения хранили в обителях или домашних библиотеках с великим тщанием. С ними обращались крайне трепетно, переписывали их слово в слово. Конечно главным является внутреннее содержание, которое и может быть и не сразу открывало свой смысл. Но это было и общение с автором книги, и все критические статьи произведений

всегда касались не только их содержания, но и затрагивали их сочинителей. Во всех критических статьях, вышедших по поводу самого главного паломнического труда отца Парфения в 1855–1860 годах, присутствовал сам автор. И все без исключения признавали ту великую пользу, которую он принес в мир своей книгой.

Не требующей добавлений оценкой книги являются отзывы современников, вошедших в мировую историю культуры человечества. Позволю себе процитировать лишь некоторых из них. М. П. Погодин почитал ее *«украшением русской словесности, не говоря о великой ее многогранной пользе»*, М. Е. Салтыков-Щедрин отметил *«...решение автора принимает действительно все размеры подвига, исполнение которого под силу только избранным личностям»*, а И. С. Тургенев замечал *«...это великая книга, о которой можно и должно написать хорошую статью... Парфений – великий русский художник и русская душа»*. А. В. Дружинин отметил о «Сказании...», – *«Или я жестоко ошибаюсь, или на Руси мы еще не видали такого высокого таланта со времен Гоголя. Таких книг, между прочим, читать нельзя...»*, а лучше всех других высказался А. А. Григорьев: *«Вся серьезно читающая Русь, от мала до велика – прочла ее, эту гениально – талантливую и вместе простую книгу – немало, может быть, нравственных переворотов, но уж во всяком случае, немало нравственных потрясений совершила она, эта простая, беспритязательная, вовсе ни на что не бившая испо-*

ведь глубокой внутренней жизни».

И вот новая находка! С помощью братии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры нами была обнаружена новая золотиносная жила. Мы знали, что старец Парфений на протяжении своей жизни вел записи своих странствий, эти записи он впоследствии показывал Преосвященному Афанасию епископу Томскому, давшему свое святительское благословение на написание «Сказаний...», посылал он их и Преосвященному Филарету митрополиту Московскому и Коломенскому. В архиве Свято-Троицкой Сергиевой Лавры хранится документ под названием: «Автобиография монаха Парфения (бывшего в Молдавии раскольника, затем постриженника русского Пантелеимонова монастыря на Афоне)». Документ, вернее сказать рассказ старца Парфения о жизни своей, начинается с его детства и заканчивается периодом, когда он покидает город Томск и направляется в город Москву. Автобиография начинается словами самого отца Парфения: «Любезнейшие мне и ближайшие сердцу братия и друзья мои и по духу чада два Григория...». Она адресована двум конкретным людям, которых отец Парфений любит и хорошо знает, отвечая в письмах, где они настоятельно просят рассказать старца о себе и его жизненном странствовании. Небезынтересно заметить, что впоследствии, когда отец Парфений стал настоятелем Николаевской Берлюковской пустыни, то оба эти Григория стали ее насельниками, прибыв из Киево-Печерской Успенской Лавры, где полагали они начало иноческой

жизни. Стали они и монахами по молитвам своего любезнейшего старца Парфения.

Автобиография написана в виде письма, где отец Парфений настоятельно просит до конца его жизни никому не раскрывать и не рассказывать всего, что он им доверил, а уже после отшествия его, как они сами хотят. Написано все это повествование в живой и доступной для читателя форме. Заканчивается автобиография числом 26 июня 1854 года и словами старца: «О встрече Преосвященного Парфения, Епископа Томского и Енисейского, уже помещу в следующей 6-й части, в которой будет описано и все последующее мое странствие, а здесь довольно сего. Конец пятой части. Богу нашему слава». В журнале «Душеполезное чтение» за 1898 год в предисловии к статье – «Из автобиографии игумена Парфения» архимандрит Никон (Рождественский; впоследствии архиепископ) пишет: «Двадцать лет тому назад в Троицкой Сергиевой Лавре скончался живший на покое старец, бывший игуменом Гуслицкого монастыря, о. Парфений... Покойный о. игумен оставил после себя неизданный пятый том «Сказаний» о странствованиях своих, заключающий в себе его собственную автобиографию».

Осознавая важность автобиографии для научных целей и для простого православного человека, на примере которой можно учиться жить по вере, духовный совет Николо-Берлюковского монастыря принял решение о публикации этого труда старца.

Схиигумен Парфений (Агеев) был величайшим тружеником на благо Церкви Христовой. В своей «Автобиографии» он пишет: «... только прошу Господа моего да даст мне здравие и помощь послужить в пользу Святой Его церкви и во спасение ближняго, ибо я теперь вполне предал себя Божией воле и в Его полное распоряжение; и буди Его святая воля пусть какими Он хочет путями, теми и проводит, а мое одно дело безпрекословно повиноваться Его распоряжению, и только просить Его помощи и милости; ибо с Ним, Создателем, повсюду хорошо и спасительно». А вот слова, сказанные им о жизни своей: «Посмотрите на мою жизнь, это самая истинная картина, в которой весь указан промысл Божий. Это колесо премудрости и благости Божией, ибо как Он мой Творец, мною управляет, то возводит в высоту, то обращает ниже всех, то проводит скорбными путями, то паки утешает, то удаляет в пустыню, то паки изводит во грады и даже в столицы; то вменяет вместе с разбойниками, то паки посаждает с князьями, то посылает с Востока на Запад, то с Севера на Юг, то с Юга на Север, то доводит до последней нищеты, и даже в нищете последним; то паки награждает богатством. Повсюду вижу ясно Его, Царя небеснаго, отеческое милосердие... ибо когда говорю о Боге, или размышляю Его величество, то все земное забываю, и даже иногда и сам себя». Как полезно нам грешным и немощным читать рассуждения отца Парфения (Агеева) и учиться на его примере несению жизненного креста, любви к Богу и Его за-

поведям. Вся автобиография – это материал для изучения жизни схиигумена Парфения, и пусть она написана до начала его трудов на Московской земле, это ценный в историческом и духовном плане документ. В нем можно найти много биографического материала, описаний монастырей, старцев, святителей и подвижников веры Христовой. Много интересного и нового узнает читатель о жизни и раннем детстве отца Парфения: «...семейство наше было как Духовная Академия и училище благочестия, ибо ничего больше никогда не услышишь, – или читают книги, или кто что-нибудь душеполезное рассказывает, или поют духовные песни, ибо в дому нашем никогда не держали никакого хмельного питья и даже не ели хлеба, который печен на хмельных дрожжах... Еще я имел необыкновенную страсть проповедовать величие и славу Божию, ибо только что-нибудь услышу новое, или какое чудо или житие в четь минеях, то утром отправляюсь по всем сродникам это рассказывать...». И несмотря на то, что возростал отрок Петр в старообрядческой семье, в сердце он уже тогда имел сильное внутреннее тяготение к Православной Церкви: «Но хотя юное мое сердце и отвлечено было от православной церкви, но внутреннее желание моего сердца любило ее, ибо никогда я мимо ее не проходил, чтобы не зашел и не положил в ней 3-х поклонов, хотя родители и запрещали ходить в нее, но я на это не смотрел, хотя за это принимал иногда брань, а иногда и побои, но я как увижу церковь, то сердце мое и закипит, а наипаче ежели

монастырь».

Эту книгу мы так и решили назвать «Автобиография монаха Парфения (бывшего в Молдавии раскольника, затем постриженника русского Пантелеимонова монастыря на Афоне)», добавив лишь к ней в приложении статьи, в которых отражены все последние данные, обнаруженные нами в библиотеках, музеях, частных коллекциях и хранилищах. Книга снабжена иллюстрациями тех мест где странствовал отец Парфений, паломничал и проживал, и с кем при жизни свой встречался.

В 2009 году в мае месяце по бла гословению Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященного Ювеналия, митрополита Крутицкого и Коломенского, состоятся первые Парфениевские чтения в Паломническом центре Московского Патриархата. Надеюсь, что эта книга поможет глубже изучить жизнь и труды на благо Церкви Христовой отца Парфения (Агеева), а также заинтересует всех, кому не безразлична история православия, паломничеств и всего увиденного и пережитого талантливым духовным писателем XIX века.

*Настоятель Николо-Берлюковского монастыря игумен
ЕВМЕНИЙ (Лагутин)*

Автобиография монаха Парфения бывшего в Молдавии раскольника, затем постриженника русского Пантелеимонова монастыря на Афоне

Христос посреде нас!

1. Любезнейшие мне и ближайшие моему сердцу братия и друзья мои, и по духу чада два Григория¹; благодать Господа Иисуса и благословения Святой Горы Афонской и мое да будет с вами навсегда.

Любезный брат Григорий Павлович², письмо твое, от 13 сентября получил, за которое и благодарю; но многие твои запросы отягощают меня ответами, ибо ты знаешь, что послушание мое тяжкое и препоручения мне великие, даже очень мало порожнего времени; но только прошу Господа моего: да даст мне здравие и помощь послужить в пользу Святой Его Церкви и во спасение ближнего, ибо я теперь вполне предал себя Божьей воле и в Его полное распоряжение; и буди Его святая воля, пусть, какими он хочет путями,

---

¹ Слова «два Григория» замазаны чернилами.

² Слова «Григорий Павлович» замазаны чернилами.

теми и проводит, а мое одно дело – беспрекословно повиноваться Его распоряжению, и только просить Его помощи и милости; ибо с Ним, Создателем, повсюду хорошо и спасительно; ибо очень весело и радостно идти во след Его, Царя Небесного, хотя узка и скользка дорога, но зато хорош предводитель, ибо помню я слова заиорданского митрополита Мелетия, называемого Св. Петром, а мне отца духовного, ибо он сказал, хотя просто, но ясно; когда я очень скорбел в Иерусалиме и не хотелось мне ехать в Россию, я желал окончить жизнь свою во Святой Горе Афонской, и даже казалось невозможным исполнить послушание старца моего, то он на это сказал: «Адаму ведь лучше было в раю, нежели тебе в Афоне; ибо тамо не было ни людей, ни врагов, ни дьявола, но когда преслушал Божию заповедь, то оттуда выгнан был, а в Афоне все есть: люди и враги, и дьявол, то тамо без Божией помощи можно во все грехи впасть и погибнуть, а с Богом и в самой Москве спасешься. То я тебе советую идти туда, куда послал тебя старец»; вот и сбылись его слова: я живу в Москве и прохожу трудное поприще, предназначенное мне от Господа Бога, хотя и беспрестанное имею сердечное стремление во внутреннюю пустыню, или хоть в общежительный монастырь; но, впрочем, препоручая себя воле Божией во всем, как ему угодно, тако да будет, а не так, как я желаю; ибо кто на Бога положится, тот никогда не ошибется. Посмотрите на мою жизнь: это самая истинная картина, в которой весь указан промысл Божий. Это колесо премудрости

и благодати Божией, ибо как Он, мой Творец, мною управляет, то возводит в высоту, то обращает ниже всех, то проводит скорбными путями, то паки утешает, то удаляет в пустыню, то паки изводит во грады и даже в столицы; то вменяет вместе с разбойниками, то паки посаждает с князьями, то посылает с востока на запад, то паки с запада на восток, то с севера на юг, то с юга на север, то доводит до последней нищеты, и даже в нищете последним; то паки награждает богатством. Повсюду вижу Его, Царя Небесного, отеческое милосердие, и Его Божественную и неисследимую премудрость, и неизреченную благодать к роду человеческому; ибо то меня предает под руководство совершенным великим старцам и наставникам, то паки проводит жизнь мою среди мира и соблазнов между самыми беззаконниками; то с самими невеждами, то в кругу самых ученых; то с простыми поселянами, то с великими иерархами: все это я вижу и рассматриваю, и с ужасом размышляю, и со трепетом рассуждаю, и с пророком из глубины души восклицаю: «О! велий еси Ты, Господи! И дивны дела Твои, и неиспытанны судьбы Твои, и неизглаголанна Твоя премудрость, и человеколюбие – неисследованная пучина! Смотришь – сколько велико Его божество, что Ангелы не смеют на Него взирать и Херувимы и Серафимы трепещут от Его славы; сколько Он имеет творения, миллион миллионов у Него бесплотных слуг, тысячи тысяч, и тьмы тем только предстоят Его престолу; и неисчетные миллионы Он имеет миров, и на каждом неис-

четные миллионы Его творений, но во всех и всеми управляет Его божественная воля, и даже власы главные все изочтены. О, кто Бог велий, яко Бог наш, Ты еси Бог – творяй чудеса.

Простите меня, что я так далеко и долго увлекся этою беседой, ибо говорить о Боге и о Его великой премудрости и человеколюбии от сладости не имею сытости, ибо когда говорю о Боге или размышляю Его величество, то все земное забываю, и даже иногда и сам себя. О, Сладчайший Иисусе, души моей утешение!

Да еще, что я дал вам предуведомление, дабы вы знали, что каждым человеком и его бытием и делами управляет сам Бог, только ежели человек не последует своей воле и своему собственному плотскому стремлению, но завсегда прибегает к Богу и просит Его милости и помощи, потому Он сказал, что без Мене ничего не можете творити.

Ибо для того я говорю, что вы уже много лет беспокоите меня письмами и вынуждаете меня, чтобы я открыл вам, хотя отчасти, путь и поприще жизни моей от самой юности моей; но я уже несколько раз вам в том отказывал, но вы все-таки не оставили меня в спокойствии; но я, любя вас сердечно, хотя и бесполезно мне, а может быть, еще и вредно, скажу вам несколько слов о моем странствии по житейскому пути, потому что сказано: «Прозящему у тебя дай», – но скажу только с тем, что покуда я еще буду продолжать этот путь, то отнюдь никому этого не говорите и держите в тайне толь-

ко двое вы, а когда окончу свой путь, тогда как знаете.

2. О месте рождения я говорить не буду, но только скажу, что я назначен Богом во служение Ему, Создателю, прежде еще моего существования, в утробе матерней; ибо родитель мой также имел желание в самой юности оставить мир и удалиться в пустыню, потому что он был сирота, после матери остался четырех лет, а после отца – шести; но Богом было позволено ему вступить в брак и проходить трудное и скорбное поприще в мире, в супружеской жизни, и что он будет иметь трех сыновей, один будет еще в пеленах взят к Богу, а прочие дети будут умнее тебя, одного возьму Себе во служение, который³ будет полезен и для общества, а третий успокоит тебя⁴.

3. Вот поэтому он 18-ти лет и вступил в брак и взял себе супругу, вместе наставницу и учительницу всем добродетелям, и звал ее матерью, ибо воистину она была мать всем бедным и нищим и пристанище всем инокам и инокиням, и всем странствующим покров; и все называли ее матерью. От таковых-то я был родителей рожден.

4. Первого они родили сына Стефана, который шести месяцев помер. Второго родили меня, и я, с юности оставивши

---

³ Слово надписано сверху другим почерком; перед ним зачеркнуто «а один».

⁴ Слова «а третий успокоит тебя» приписаны другим почерком.

мир, сколько могу, служу Богу и ближним⁵, а третий остался жить в мире и 35-ти лет помер⁶; я о младенчестве ничего не могу сказать, но только стал понимать кое-что и даже уже помню: все называли⁷ меня попом и никак меня не звали кроме этого имени, потому что я никакими детскими играми и шалостями, обычными детям, не занимался, но все игры мои были и забавы – или Богу молиться, или пещеры копать, или церкви делать и что-нибудь божественное петь, или между стариками сидеть и слушать их разные исторические разговоры и повести; а когда родитель читал, а я сидел и слушал, и спрашивал, и даже иногда до раздражения родителей своими расспросами и любопытствами; еще у меня были две бабушки, одна прабабушка 115-ти лет и имела память необыкновенную, и любила мне рассказывать разные повести, потому что я любил их слушать, и когда она у нас бывала, тогда я никуда не пойду, целые сутки просижу подле нее и все принуждаю что-нибудь рассказать: повести, хотя и простые, но все душеполезные, все направлены ко спасению души и к любви Богу и к пустынной жизни; но и семейство наше было как Духовная академия и училище благочестия, ибо ничего больше никогда не услышишь – или читают книги, или кто что-нибудь душеполезное рассказывает, или поют духовные песни, ибо в доме нашем никогда не дер-

---

⁵ Слова «и ближним» приписаны другим почерком.

⁶ Слова «и 35 лет помер» приписаны другим почерком.

⁷ Буква «ы» надписана другим почерком.

жали никакого хмельного питья и даже не ели хлеба, который печен на хмельных дрожжах; хотя по состоянию имели три самовара, но и то держали для гостей; а из семейства пил чай только один родитель – ему это по торговле было необходимо; но и я покуда был в объятиях родительницы, до десяти лет чаю не пил и даже не хотел никогда и пить; но после мир заставил пить.

5. Еще я имел необыкновенную страсть проповедовать величие и славу Божию, ибо только что-нибудь услышу новое, или какое чудо или житие в Четых Минеях, то утром отправляюсь по всем сродникам и знакомым это рассказывать; ибо память у меня была острая, и поэтому прозвали уже меня попом-проповедником и часто на улицах меня останавливали, ибо знали: когда я иду, то что-нибудь несу новое, и спрашивали; и где только я остановлюсь, уже около меня толпа народу!

6. Но хотя юное мое сердце и отвлечено было от Православной Церкви, но внутреннее желание моего сердца любило ее, ибо никогда я мимо нее не проходил, чтобы не зашел и не положил в ней трех поклонов, хотя родители и запрещали ходить в нее, но я на это не смотрел; хотя за это иногда принимал брань, а иногда и побои, но я как увижу церковь, то сердце мое и закипит, а наипаче, ежели монастырь.

7. До шести лет не учили меня грамоте, хотя я и просился и плакал; и на шестом году родитель купил азбуку и принес с базара, и я принял как неоцененный дар и ходил с ней по всем родным, ее показывал. Потом сам родитель начал меня учить и, доучивши до половины псалма «Помилуй мя, Боже», по том отправился по своим торговым делам на все лето, а мне приказал ежедневно читать зады, а матери приказал заставлять меня; и я, читавши зады несколько раз, изучил на память, и они мне наскучили; и я пошел вперед сам и в скором времени выучил азбуку; но мать ежедневно заставляет читать зады, то я сам взявши псалтирь и начал учить прежде по складам, а потом просто, и вытвердил три первые кафизмы. Потом приехал отец и спросил мать мою, что читал ли Петя зады. Она сказала, что то ежедневно читал; потом спрашивает меня, что, Петя, не забыл ты задов? Ну-ка, прочитай их. Я ему ответил: «Что мне читать зады, я уже и всю азбуку на память знаю, а я вот буду читать эту книгу, ту побольше» (показал ему на псалтирь). Он мне прежде не верил, потом велел читать; я же как начал читать, он, удивившись, сказал: «Ты уже читаешь лучше меня», – потом разогнул, где я еще не учил; но я и там начал читать, хотя и не так скоро. Потом он взял книгу Иоанна Златоуста и, разогнувши, велел мне читать, я начал и это читать; он же, удивившись и возрадовавшись, сказал: «Довольно для нас, нам не в попы, я хотел было отдать учителю, а теперь нечего и деньги тратить, теперь только надобно немного поучить-

ся писать»; и потом купил прописную азбуку и показал мне, и так же, хотя как-нибудь, стал писать; вот и кончил я курс наук, вот и все мои учителя.

8. Когда я начал читать книги, то возымел неограниченное стремление и любовь к чтению, которая еще и доньше при мне; уже до десяти лет моего возраста я прочитал все Четьи Минеи, Прологи, Ефрема Сирина, аввы Дорофея, священноинока Дорофея, Златоуста, Маргарит, беседы: Василия Великого и Кирилову, и о вере, и прочих множество, потом нетерпимо мне захотелось увидеть Библию – Ветхий и Новый Завет, Евангелие и Апостол, но как Библии старообрядческой печати нет, то они об ней и мало понятия имеют, даже почти и не читают, потому что там напечатано «Иисус» и счет листам вверху – это для раскольников великие ереси, – и начали меня уговаривать, чтобы не только я их не читал, но даже удерживали, чтобы я и не видал Библии; а меня все еще больше завлекало в любопытство: что такое за Библия. Они мне говорили, что эта книга глубокая и вся в притчах и по ней можно уклониться в жидовство или сойти с ума, что и много от этого пострадали, но я ни на какие их доказательства и препятствия не посмотрел, и, узнавши у кого есть Библия, выпросил почитать и принес домой. Родители, увидевши такую великую книгу, испугались и заплакали, что я ей зачитаюсь: когда большие, в полном уме зачитываются, а я еще был по десятому году.

9. Но я, взявши у них благословение, начал читать, и читать со вниманием, и с Божией помощью начал я различать в ней: что писано исторически, что нравоучительно, что до закона касательно, что пророчественно; и я в ней увидел все Божие домостроительство – чудеса Его и премудрость, благодать, человеколюбие Его и правосудие; и прочитал я ее несколько раз, и всю ее мог почти наизусть рассказывать, разбирать и толковать – и все люди говорили, что я зачитаюсь и с ума сойду; но я, напротив, научился в ней премудрости.

Когда же добрался до Нового Завета, до благодати, то еще более меня повлекло к исследованию. Также я начал его читать – Святое Евангелие; по большей части в нем слова самого Господа нашего Иисуса Христа, Богочеловека, и начал Его разбирать слова по статьям и по зачалам, ибо все Его слова показались мне наполненными неизреченною Божественною премудростию и все имеющими одну цель, для спасения человеческого, для чего Он по благодати своей прикрыл Свое божество плотию человеческою и пожил на земли со человеки, – дабы спасти род человеческий; и увидел, что ни одного слова он не сказал просто и случайно, но все они имели какую-либо цель для спасения нашего; в одном месте Он говорил от истории древней и приводил примеры, в другом Он открывал и объяснял пророчество, а в ином Он обличал непокорных иудеев; в одном Он дает духовно-нравственные поучения, а в другом творит Он чу-

деса и тем открывает Свое Божество и Божественную силу Свою; одни добродетели велит исполнять повелительно, а на другие только дает совет; в одном обличает богатых, а в другом ублажает нищету; в одном пророчественно предсказывает, а в другом преподает новоблагодатный закон и устрояет новоблагодатную Свою Церковь, и основывает ее на непоколебимом основании, на твердом камени, и что будет стоять на земле новоблагодатная Церковь до скончания века, и врата адава одолеть ее не могут, и Сам обещался с нею быть до скончания века, и установил в ней таинства, которыми должны руководствоваться ее чада, и что кроме этих таинств спастися никто не может! И поставил в Церкви своей освященный чин, для совершения святых церковных таинств, и освятил на сие своих учеников-апостолов, и исполнил их Духа Святого, и препоручил им ключи от Царствия Небеснаго; дал им великое преимущество в лице Себя, слушающий вас, мене слушает, а отменяясь вас, Мене отменяется, отменяясь же Мене, отменяется и посланного Мя; и обещался с ними быть до скончания века.

10. И еще я, убедившись в истинности слов Евангельских, как слов самого Господа нашего Иисуса Христа, Который сказал о словесах Своих тако, что небо и земля мимо идут, но словеса Мои не мимо идут – сиречь, как бы сказал, что каждое мое слово закон непреложный, ибо как сказал: «Да будет свет» – и бысть, и проч. И еще сказал, что и на

Страшном суде Аз судить никого не буду. Но Евангельское слово Мое то осудит каждого, которые его не исполнили на деле или не послушали! И вот все эти евангельские слова пали на мое юное сердце, как на добрую землю, и остались они навсегда на моем сердце и до сего времени.

11. Ибо ясно я увидел, что кроме Христовой Святой Соборной Церкви и ее таинств, спастися невозможно, и что истинная Святая Христова Церковь должна быть та, в которой вполне совершаются и употребляются семь святых церковных таинств, совершаемых полным священным чином, полученным чрез рукоположение от Самого Спасителя, Господа Иисуса Христа, и преподаваемым друг другу; и вот с самых юных лет был я великим ревнителем и защитником Святой Христовой Церкви и ее таинств и священного чина в трех степенях, т. е. епископа, священника и диакона. С самых юных лет начал я разрушать и искоренять все разные секты раскольнические, толки и раздоры, не имеющих Церкви и священства, и церковных таинств, во-первых, соединил воедино все свое семейство, которое было все разбито диаволом на разные секты; хотя и не к самой Истинной Христовой Церкви, но все по крайней мере ко священству и к Церкви; сам хотя и ревновал по Истинной Христовой Церкви, но в ней еще не находился, хотя и близко нее был; только бы один шаг – и в Церкви; но все оставался в заблуждении, хотя и в Церкви, но в безглавой, не имеющей главы одушевлен-

ного Христова образа епископа, чрез которого истекает источник благодати Святого Духа, без которого т. е., без епископа, не может быть ни Церковь, ни священник, ни диакон, ни святое миро; и ни единое таинство без его благословения совершиться не может, ниже может быть христианин.

Хотя и видел я в своей Церкви, в которой находился, все эти недостатки, но юным своим умом не мог этого всего исследовать и рассудить; но оставался при ней еще 20 лет до совершенного возраста – до 30 лет. Но это все, как я после узнал, Господь со мной делал все по премудрым Своим и неисследимым судьбам, в пользу Своей Святой Церкви, дабы я уже не младенческим умом все это исследовал, но совершенным, в мужеском возрасте, и еще нужно было мне побывать во всех гнездах раскольнических и постранствовать много по свету, и потерпеть много скорбей, и положить много трудов, дабы выпутаться из заблуждения.

12. Но возвращаюсь опять к юности моей, и когда полагал я, что уже нахожусь в истинной Церкви, и размышлял себе, что же мне еще нужно исполнить, дабы быть истинным учеником христовым; и по смерти наследовать вечное блаженство; ибо зная, что одна вера во Христа без добрых дел спасти не может; и еще стал понимать, что я человек, принадлежащий тлению, то рано или поздно, должен помереть, как и прочие умирают, которых я уже вижу ежедневно выносимых на кладбище, и мне необходимо туда же последо-

вать и дать отчет в делах своих, да еще часто это же слышал⁸ от родителей своих, которые ежедневно оплакивают жизнь свою, во грехах проведенную; и даже начал о том и скорбеть, что как я могу спастись; и в одно время читавши Евангелие на то самое зачало, где писано, что кто хочет совершен быти, тот должен раздать все свое имение и оставить весь мир, дом и родителей и идти во след Христа, и возлюбить Его, Создателя своего, от всей души своей и от всего сердца своего, и от всего помышления своего, и нести во всю жизнь свою крест свой, т. е. странствовать, страдать и терпеть скорби ради любви Его.

Прочитавши еще: аще кто хочет быти мой ученик, той должен оставить дом родителей и всех сродников, имение и все яже в мире, идти во след за Мною, той и достоин будет быть учеником Христовым; и поэтому я рассмотрел, что очень трудно спастись посреде мира и соблазнов; да еще родители беспрестанно мне то же внушали. И вот с того времени воскипело мое юное сердце любовью ко Господу Богу и вознамерился беспременно быть учеником Христа Спасителя и оставить родителей и весь мир и идти куда-нибудь: или в пустыню, или в монастырь работать Господу Богу, — и не стало ничего мне милого на свете, и от всего мирского и веселого удалялся только и помышлял: как бы исполнить свое желание и намерение, только уже у меня и было разговоров, что про иноческую жизнь, про монастыри и про пусты-

---

⁸ Слово надписано сверху другим почерком.

ни; но родители мои только надо мной глумились, а на деле исполнить своего желания и думать мне не велели, хотя и любили сами иноческую жизнь; но готовились меня сделать наследником имения своего; да еще полагали, что я это все говорю по глупости юного разума, но, зная трудность иноческой жизни и естественную слабость плоти, не надеялись, чтобы навсегда осталось во мне это стремление и желание; но от богоугодных занятий меня не удерживали; но только радовались и поощряли и⁹ оставили меня в таком спокойствии до десятилетнего моего возраста. Вот были мои золотые дни, покуда я находился в объятиях своей родительницы, как птенец под крылышками своей матери; она не давала в меня вселиться¹⁰ никакому пороку душевному и готовила меня ко иноческой жизни, и¹¹ учила меня не только словами, сколько делами добродетелей и любви к ближним; она не довольна была тем, что делала на яви: ежедневно сотни нищих кормила сама и прислуживала им; принимала странников, одевала нагих и ежедневно посещала в темницах сидящих и во всех приютах, только где находились бедные, и всем носила потребное; а наипаче очень сожалела больных бедных; заботилась о них, как мать родная, сама спешила к больному и расспрашивала, что не желает ли он чего? Меня завсегда

---

⁹ Надписано сверху, вместо заключенных в скобки слов «но только».

¹⁰ Слова «в меня вселиться» надписаны сверху другим почерком; вместо заключенных в скобки «на меня сесть».

¹¹ Надписано сверху другим почерком, вместо заключенного в скобки «но».

брала с собою, или посылала меня кому, что-нибудь снести из потребного; но еще очень любила раздавать тайную милостыню, дабы ее никто не знал и не видел; и всегда говаривала: надобно подавать милостыню правою рукою, а левая чтобы не знала, то она раздавала по ночам, чтобы и муж ее, а мой отец, не знал этого; а наипаче когда плохая погода или дождь, или снег, или вьюга, она вставши в полночь тихонько, да и меня разбудит, и мне, бывало, вставать не хочется, а она утешает и велит молчать, одевает и обувает меня, потом отправляемся – куда же? В амбар, и там уже у ней с вечера приготовлены разные узелки: то с мукою, то с крупою, то с рыбой, то с холстом, то с деньгами; вот мне даст что полегче: деньги и холст, – а сама наберет, что чуть едва поднимет, и отправляемся в путь иногда по колено по грязи, а иногда по снегу, а иногда в дождь и снег, что и зги не видно; а ей уже все известны бедные. Вот и начнет разносить: положит узел чего-нибудь, также и денег, да постучит в окошко, а сама скорее бежать; когда все разнесем, тогда возвращаемся домой, и мне строго накажет, чтобы не сказывал ни отцу, ни кому другому. Пришедши домой, меня положит спать, а сама начинает молиться Богу. В то время ей было около 30 лет. Когда окончилось мне десять лет, то родитель мой отторг меня из объятий моей родительницы и взял меня с собою на чуждую страну, показывать мне мир и его соблазны и приучать меня к мирским занятиям и торговле; мать моя умоляла его беречь меня от всех пороков греховных, а наи-

паче умоляла его, дабы не приучать меня ни к трактирам, ни к чаю, ни к вину, а наипаче не неволить меня ни к чему.

13. Вот, исторгнувшись я из объятий матери, странствую уже 40 лет, хотя первые около 10 лет для миру, а уже около 30 лет ради Бога. И вот родитель, исторгнувши меня из объятий родительницы, увез меня на чуждую страну; что же – я опять очутился в кругу родных: дядей и двух двоюродных братьев. Все, увидавши меня, обрадовались: начали меня целовать и ласкать, и расспрашивать. Потом пошли все в трактир, а я же остановился и не пошел. Меня спросили: «Почему же ты нейдешь?» Я же сказал, что грешно ходить в трактир. Они же все засмеялись и сказали: «Вот еще вздумал какие пустяки», – и потащили меня и нехотящего. Взойдя, сели за стол, а я сижу ни жив, ни мертв, а слезы из глаз текут ручьями, и думаю: «Вот трактир провалится сквозь землю, и я пропаду». Потом подали чай; налили и мне чашку, я пить никак не хотел; они же все на меня закричали, а наипаче дяди, и сказали: «Вот что еще вздумал – не пить чай; у вас с матерью все грех, пей, да и только»; отец молчал, ибо боялся матери моей, но дяди приневолили, и я разрешил и начал пить. Приехав домой, я со слезами признавался матери, что приневолили меня пить чай. Она же, взяв меня в объятия, много плакала; потом сказала: «Милое мое дитяtko, среди миру жить – трудно убежать мирских прихотей и соблазнов». Этим она меня как бы прямо послала в монастырь, и еще бо-

лее начало меня понуждать в монастырь; дядя же мой один больше придерживался расколу, толку беспоповского, которого¹² я уже не мог терпеть. Он же всячески старался меня склонить в свое мнение; но я терпеть не мог и завсегда с ним состязался.

14. В одно время, на чужой же стороне, в праздничный день, он сказал мне: «Петя, пойдем в часовню Богу молиться»; я думал, что в нашу, и пошел с ним; он же пошел в другую и сказал мне: «Вот та-то и есть другая часовня; там лучше поют и лучше украшено»; а я был еще мал и не понимал, что значит другая; я полагал, что все одно, что там или в другом месте. Вот только стали мы входить в двери, то вдруг меня встретил дурной запах и отвратительный, так что я остановился и сказал дяде, что это какая часовня, что какой-то осенил меня отвратительный воздух и запах; он же убедил меня взойти вовнутрь, и я когда вошел, то и до днесь удивляюсь, что такое со мной случилось, ибо показалось мне, что я вошел в ад, что запах мне показался самый отвратительный, так что я тут же почувствовал боль в голове; иконы хотя хорошие и древние, но лиц их ничего не видно, а люди показались какими-то извергами, не похожими на русских; пение и чтение самое отвратительное, так что я ничего не мог понять и убежал без памяти, не видя дяди.

---

¹² Окончание «го» надписано сверху другим почерком, вместо зачеркнутого «му».

Ибо как бы из огня я выскочил, и, шедши домой, на пути зашел в православную великороссийскую церковь любопытствовать, ибо шла Литургия; я, простоявши до конца, хотя и не мол и лся руками по обычаю раскольников, но во внутреннем человеке плакал, и наполнилось мое сердце какою-то духовною радостью. Пришедши на квартиру, отец спрашивал: «Где был у часов?» Я сказал, что нигде, а стоял Литургию в великороссийской церкви. Отец, услышав, засмеялся и сказал: «Да, слово то приятное, ведь церковь-то лучше часовни, видно Петю-то не обманешь, даром, что он мал». С того времени я уже в великие праздники начал похаживать в собор, хотя не для моления, а для любопытства. Но это только на чужой стороне.

15. Вот еще со мной случились два чудесные происшествия: ибо в одно время был я почти год болен и однажды заболел к смерти. Читавши книги, а наипаче Евангелие, и зная благодать тайны причащения Тела и Крови Христовой, ибо Господь сказал, что аще кто яст Тело Мое и пьет Кровь Мою, имать живот вечный, и воскрешу его в последний день. Вот я и предложил родителям, чтобы меня причастили. Они хотя любили меня, но просьбою моею затруднились, потому что нашего расколического священника беглого тогда у нас не случилось; а желание мое исполнить захотелось, ибо зная мою ревность по Церкви и за причастие, ежели бы отказать мне это; то могут огорчить ме-

ня; что же случилось? Истинное великое чудо, и ясно показалось о мне Господне попечение; ибо когда я открыл глаза, то вижу пред собою стоящего священника православного в епитрахиле и в ризах, чему я весьма удивился, потому что православный священник не бывал в нашем доме, а тут вижу стоящего с требой, а родители около него стоят молча, слезами залившись; священник спросил меня: «Желаешь ли ты причаститься Тела и Крови Христовой?» Я ответил замирающим голосом, что желаю; он спросил: «Можешь ли хотя сесть?» Я сказал, что никак не могу; и священник, прочитавши молитвы, причастил меня запасными Дарами: Тела и Крови Христовой. Я очень этим был утешен и скоро совершенно выздоровел. Родители же и все сродники после много сами себе удивлялись, что каким это образом они решились так скоро позвать Великороссийской Церкви священника, что во всю жизнь свою боялись как огня принять благословение от мирского священника, а тут вдруг позвали и позволили причастить свое детище, и даже все их за это бранили; но я по глупому своему разуму завсегда говорил, что это так было угодно Богу, и принимал я это за особенный промысел Божий.

16. Также еще случилось на чуждой стране, приняла меня лихорадка самая злая, так что ежедневно мучила, да и только; мне некто сказал: «Съезди в такую-то церковь Четырех Евангелистов и отслужи молебен, и будешь здоров». Я сказал, что я к Церкви Православной не принадлежу, а к часов-

не; потом я рассудил: что мне, что я нецерковный, но только дабы выздороветь, ибо каждый болящий врача не спрашивает, кто он такой, но только желает быть здоровым.

В один воскресный день я отправился на извозчике в эту церковь, только начали благовестить к Литургии; я, вошедши в церковь, помолившись, дал священнику целковый и просил его отслужить молебен четверем Евангелистам, а меня как приняла лихорадка, что я чуть едва вышел на паперть и тут упал без памяти; пролежал всю Литургию, и когда пришел в себя, уже выходит народ из церкви. Я встал как ни в чем не бывало и сделался здоров. Больше уже она не приходила¹³ ко мне. Вот уже дважды Великороссийская Церковь изливала на меня свои чудодействия, и я все это слагал в сердце своем.

17. Однажды читая Четьи Минеи, жизнь преподобного Макария желтоводского, увидел, что он 12-ти лет бежал от родителей в монастырь, то я по его примеру, как только минуло 12 лет, на чужой стране бывши, бежал тайно в монастырь, который был мне известен прежде, в раскольнический; узнав об этом, родители много плакали. Потом родитель отправился меня искать и, приехавши в монастырь, нашел меня и начал меня уговаривать домой, чтобы ехал и утешил мать и бабушку, которые неутешно плачут о тебе; но я его просил, чтобы оставили навсегда меня в монастыре; да-

---

¹³ Слова «ко мне» приписаны другим почерком.

же начальник просил родителя, чтобы оставил меня в монастыре, но родитель никак не согласился оставить и нехотя-ща взял – повез меня домой. В монастыре я прожил месяца три. Дома же родные меня встретили с радостью и от радости много плакали.

18. Хотя и немного я пожил в монастыре, но хорошо вкусил иноческую жизнь; и уже мне дом свой и мирская жизнь стала казаться каким-то страшным чудовищем, и ничто не стало мне мило: ни родители, ни сродники, ни дом, – бежал бы в монастырь или в пустыню, да и только; но родители всячески старались меня утешить и дали мне полную волю, дабы только жил дома, и обещались меня не заставлять торговать и нечего не делать, а только Богу молиться и книги читать. Вот поэтому и сделал я в доме своем полумонастырь: завел ежедневную службу по уставу монастырскому, вечерню, утреню и часы. Начал всегда вставать с полуночи молиться Богу и будить всех домашних. Сначала они все этому радовались, а после скоро и наскучило, и начали на меня скорбеть и не велели их тревожить; то я уже стал один все исправлять и торговых дел не оставлять. Все это мне одному очень трудно было выполнить монастырское правило, юному отроку, да еще и мирскими делами править и торговать; хотя духом я и не изнемогал, но час от часу он разгорался в любовь Божию, а юное мое тело стало изнемогать. Так случится: читаю что-нибудь – у меня весь свет закружится, и об-

морок ударит меня о землю, и я лежу как мертвый. Тогда-то вспоминал Евангельские словеса, что один раб двум господам угодить не может, тако и человек не может угодити Богу и миру, а которому-нибудь одному.

19. Поэтому неотлагаемо положился оставить весь мир и все яже в нем и служить и работать единому Господу Богу, а так как в монастырь не отпускают, то и вознамерился удалиться во внутреннюю пустыню, в непроходимые горы и леса, и совершенно скрыться от человек. Решился это совершить, не отлагая времени день за день; родитель мой уехал в другой город по своим коммерческим делам, весною, в самую распутицу, когда нет пути ни конному, ни пешему, а я собрался в дальний невозвратный путь. Тихонько взял с собой один псалтирь и крест и рано утром пришел к матери своей и начал просить у нее благословения в путь, на половину дня сходить к одному человеку за книгой. Она сказала: «Неужели тебе еще не достает книг, ибо ты уже хочешь захватить весь свет книг». Я сказал: «Хотя и много у меня книг, но все я еще все книги не прочитал; еще много есть таких, про которые я еще не слышал». Она же, любя меня, сказала: «Господь тебя благословит, только к обеду поспешай домой».

20. Я же, получа благословение, отправился в путь с намерением уже до смерти домой не возвращаться и пришед-

ши к одной реке, чрез которую уже ходу не было, потому что того и смотрели, что тронется лед; но я, перекрестившись, пошел по льду благополучно; и мне не казалось очень страшным, перейдя реку. Люди спрашивали: «Как ты мог перейти реку, ибо уже три дня, как никто не осмеливался переходить ее»; я удивился их разговора, что я перешел и никакой опасности не видал; но как оглянулся назад, у меня волосы дыбом встали, ибо я увидел, что лед, только что слава лед, – весь в дырах и полыньях, и вода бьет водоворотами. Но я поблагодарил Господа Бога за сохранение моей жизни, которою я уже и не очень дорожил, ибо просил и желал, чтобы в каком-нибудь страдании, Бога ради, окончить дни маловременной моей жизни, оставить землю и переселиться на небо к дражайшему моему Господу Богу.

Шел я тот весь день без пищи, где по пояс водой, смешанной с снегом, а где по колено – грязью, то весь в поту, и сделался весь мокрый, и отошел я верст 40. К вечеру пришел к другой реке – больше первой, и я в селении стал спрашивать, как мне перейти реку. Мне сказали, что никакого ходу нет и стоят караулы – никого не пускать. Я же притворился посланным от хозяина, что работник с нужными делами – необходимо нужно перейти. Они же мне сказали: «А когда так тебе нужно, то иди в город и как-нибудь переедешь»; и меня оставляли ночевать, но я не остался, а пошел вон из селения. Боялся идти в город, зная, что мой родитель в этом городе находится по своим делам, то как бы

не попасть ему на глаза; но делать нечего, надо идти. Когда меня настигла ночь, то я не пошел ночевать в дом, а ночевал вне селения, в соломе; всю ночь продрожал мокрый и холодный; а в ту ночь сделался сильный холод и мороз. Я от холода и от дрожания дожидался последнего дыхания. Да и просил у Бога себе скорой смерти.

Но благодатию Божией покрываемый, остался жив, хотя и нежного был воспитания, а здоровья не повредил. По утру встав, пошел в путь, но уже не такой бодрый, как накануне: то от переознобу, то от голода, идя думаю: ежели невозможно будет перейти реку, то наложу на себя юродство и буду юрод Бога ради до смерти. Вот избрал я себе два пути ко спасению, и оба самые трудные и тяжкие. Но духом горел любовью ко Господу Богу и просил Его помощи. Слезы лились из очей моих; еще был очень юн, ибо имел тогда 13 лет отроду.

21. Придя в город, шел подле реки и спрашивал: где можно ее перейти по льду. Что же внезапно вижу пред собою? Своего родителя; увидел его – весь от ужаса изменился. Он же, увидев меня, едва мог узнать, говорит своим людям: «А что, это, кажись, мой Петичка». Они ему ответили: «Точно он». Он же послал спросить меня, зачем я пришел. Я, видя свою беду, что попался в сеть, тотчас же притворился юродивым и помешанным в уме и затворил свой язык – сделался немым. Они начали меня спрашивать, зачем я пришел,

а я притворяюсь неистовым и ничего не говорю; они же побежали от меня прочь и сказали отцу моему. Он велел меня схватить; и один взял меня на руки и принес к родителю. Он же, увидя меня, что якобы я три месяца лежал больным, и весь измененный в лице своем и в соломе, горько заплакал и сказал: «О, Господи, что ты мне дал за сына, что все надобно с ним мучиться, а тут свои дела!» Потом подали коней – и повез меня домой. Дома же меня хватились, ибо уже наступили другие сутки, а меня нет. Потом, увидя, что меня отец привез, все выбежали, обрадовавшись; отец сказал им: «Не радуйтесь, хотя и привез, но только полсына, ибо он помешан в уме и ничего не говорит»; потом спросил: «Давно ли он ушел из дому?» Они сказали, что другие сутки. Потом привели меня в дом и обратились все в плачь. Потом повезли меня отчитывать к своему беглому попу и посулили ему 50 рублей, только чтобы узнать, что я нарочно юродствую или вправду помешался умом. Он же оставил меня у себя и начал надо мной читать Евангелие. Потом, во един от дней, поставил посреде часовни аналой и положил Евангелие и крест, и начал меня заклинать и допрашивать, что я не притворяюсь ли это. Я же, испугавшись, разверг уста свои и сказал ему: «Когда ты меня так приводишь к клятве, то и ты будь проклят, ежели это откроешь родителям моим; но сохрани эту тайну до моей смерти». Однако он сказал родителям, что я это делаю намеренно, и они оставили меня в спокойствии и не стали более отчитывать,

но увезли домой, только ежедневно стали меня увещевать и грозить. Я написал им записку, чтоб дали мне паспорт и отпустили постранствовать, а иначе сам уйду навсегда. Родитель уехал по своим делам, а матери приказал меня отпустить, и то только на один месяц. После отца мать моя призывала меня в молитвенную храмину и начала мне говорить следующее: «Возлюбленное мое чадо, послушай меня, свою родительницу, ибо нам небезызвестны все твои начинания, хотя ты это делаешь Бога ради, но нам наносишь несносные скорби; но говорить теперь тебе о том не буду. Ты просился у нас странствовать; вот отец и велел тебя отпустить, но только на один месяц, а потом возвратись домой, и теперешний раз непременно возвратись, ибо я тебе благословения не даю теперь, а после связывать больше не буду. Когда же, после, будешь возвращаться, то говори со всеми. Вот тебе паспорт и деньги на дорогу» – и благословила меня.

22. Я отправился в путь и начал со всеми говорить, потому что вижу, что тайна моя не утаилась. Вот странствовал я, по родительскому благословиению, один месяц, потом, купив книг, возвратился домой, уже говорю, и было все семейство в неизреченной радости. Потом возвратился домой и родитель.

23. Увидясь, много мы разговаривали, и он был очень доволен, что я сделал послушание и возвратился в дом свой.

Потом начал говорить:

«Возлюбленное наше чадо, скажи ты нам решительно, что будешь ли ты заниматься нашими торговыми делами или нет; или еще что будешь начинать, но мы тебе решительно скажем, что покуда мы живы, в монастырь не отпустим, а ежели тихонько уйдешь, то повсюду тебя сыщу и привезу домой; а ежели не найдем тебя, то Бог с тобой – проклинать тебя не будем; но куда ты в нынешние времена укроешься, повсюду найдут». Я же ему ответил: «Дражайший мой родитель, юность моя и любовь моя к вам заставляет еще с вами пожить, и буду заниматься всеми житейскими делами и торговлею, только что вы не заставите меня делать; и все ваши препоручения исполнять буду, сколько сил моих станет. Конечно, хотя я и начинал свои предприятия, но они успехами не увенчались, – теперь надобно до времени отложить, покуда подрасту побольше и буду поумнее; но хотя я и останусь у вас работать миру, но не навсегда, а только до времени, а рано ли, поздно ли, а должен я вас оставить: идти во след Иисуса Христа и исполнить свое обещание и намерение; хотя бы вы меня и женили, хотя бы я и детей нарождал, и тогда все оставлю и пойду работать Господу Богу. Только разве посетит меня, как земную пшеницу, смертный серп; тогда уже буди воля Господня, а не моя».

24. Родитель же, выслушав меня, остался доволен моим ответом, потом немедленно отправил меня на чуждую сто-

рону, по торговым делам: вот с этого времени принялся я совершенно за торговые и за все мирские дела и вступил я на поприще мирской суеты, и ринулся я в печь соблазнов и искушений мира сего. Начало меня жечь и палить со всех сторон – только повертывайся, – и пустился плыть по житейскому морю в малой и худой своей лодочке, обуреваемый со всех сторон волнами и душевными бедствиями; того и смотрел, что погрузусь в бездну грехов – и пропадет душа моя; хотя и предал всего себя миру, но душу и тело мое, сколько сил моих было, хранил чистыми и непорочными; хотя и окружали меня со всех сторон бедствия, но я все-таки всему сопротивлялся; хотя и был занят всеми делами мира сего, но во внутреннем человеке душа моя беспрестанно вопияла и плакала, и, как младенец, подняв руки ко Господу, кричала со слезами: Из глубины души взываю к Тебе, Господи: Господи, услыши глас мой, изведи из темницы мира сего суетного душу мою; да буду исповедывать святое имя твое во вся дни живота моего, ибо аще не Ты, Господи, подаси руку помощи Своей, то вечно вселится во ад душа моя, ибо хожу посреде сетей смертных, ибо со всех сторон окружен я сетями и отовсюду обыдоша мя врази мои, страшные исполины, диавол со всеми своими полчищами и коварствами, мир со всеми своими прелестями, соблазнами и роскошами; плоть со всеми своими страстями и похотями – вот между такими-то я нахожусь опасностями и с такими-то страшными и великими врагами; принадлежит брань и война; да еще

беда и то, что сию я на юном коне, необузданном, который рвется и прыгает во все стороны и стремнины; того и погубит меня, что чуть-чуть едва могу удерживать его за вожди, а помощников от человек никого нет, ибо не имею ни учителей, ни наставников, ни предводителей, но токмо к Тебе, Господу Богу моему, прибегаю и Тебя на молитву призываю, буди мне помощник и прибежище в скорбях, обретших меня зело. И когда бывал где-нибудь в уединении и слезами умываю лице свое, воспевал песнь сию:

25. О, юность моя, юность, младое ты время и тяжкое бремя, как мне тебя младу будет провождати, – закон Божий соблюдать и душу спасти. О, юность моя, юность, тяжкое ты время, и несносное бремя, и конь необуздан, быстро ты стреккаешь, грехами отягчаешь и душу мою погубляешь; но придет время, что возьму вожди в руки, буду управлять по тому пути спасенну и душе полезну.

26. Так протекла моя жизнь посреде миру и его сетей и соблазнов, и начал меня мир опутывать своими сетями, время от времени, день ото дня, час от часу – более и более.

Но, хотя и оставил меня Господь пожить посреде мира и его сетей; но это все был промысл Божия человеколюбия о мне, как я теперь понимаю, хотя тогда и тяжело было мне вывариваться в таком котле соблазнов; первое: что вырастил меня до совершенных лет и до усовершенствования

ума и рассуждения, дабы после не стал раскаиваться о таком начатии иноческой жизни. Второе: захотел мне показать и раскрыть мир и его прелести и соблазны, его утехи и горести, его превратности и непостоянство¹⁴; ибо хотя и немного жил я в мире, не более 8-ми лет, совершенно привязанным, но все его утехи, сладости, горести и превратности вкусил и прошел на самом деле, ибо принят был я во всех обществах и находился во всех собраниях между дворянами последним нищим¹⁵, между купцами средним поселянином¹⁶, а между низшим классом – первым. Но благодарю Господа моего, что во всех обществах был одинаков, ибо мир и его прелести, и соблазны, и суеты его не могли потушить искру благодати Божией, впадшую в мое сердце. Еще в малолетстве моем, но все час от часу она возгаралась: хотя я телом и находился между товарищей и друзей и в кругу разных собраний, но душа моя завсегда горела любовью к Богу и летела бы в уединенные и пустынные места; за то и звали меня все игуменом, ибо не любил я никаких забав и увеселений, ни кощунства, ни игр, ни смеха, хотя иногда и шутил, но и то очень скромно, ибо я от природы свойства веселого и приветливого, ибо где я бываю в компании, то никого не допущу быть в скорби и печали, но и непристойного что сделать никто не отважится, а когда бы кто зачинал делать, но другой

---

¹⁴ Приставка «не» надписана сверху другим почерком.

¹⁵ Слово надписано сверху другим почерком.

¹⁶ Слово надписано сверху другим почерком.

скажет: «Перестань, игумен здесь», – и замолчат, ибо все мои были разговоры от Священного Писания и от книг; память была у меня великая, завсегда говорил с целию, в какой находился компании, или в защиту Церкви и священства, или к исправлению нравов и жизни, или о высоте и славе иноческой жизни, или превозносил выше небес общежительную или безмолвную пустынную жизнь. За то любили меня все мои сотоварищи и друзья и называли меня юным старцем; и все за счастье почитали, когда случался где я в компании.

27. Случалось многожды, что некоторые начнут говорить худо о монахах и священниках, хотя бы и о Велико-российской Церкви, осуждать и поносить их, то я бываю с самою великою ревностию против этого защитником: «Как вам, мирским людям, которые находитесь, как паршивые козлища, и валяющиеся, как свиньи в грязи, говорить про Христовых пастырей или про Христовых воинов, или про земных ангелов и про небесных человеков; нам ли говорить про них, мирянам, которые ежеминутно валяемся во всех страстях и суетах мира сего, которые ежеминутно грешим, да и признаться и покаяться в том не хотим, да еще себя и оправдываем; иноки – такие же человеки, как и мы, носящие кровь и плоть, оставившие мир и его суеты, удалившиеся в монастыри и вступившие в войну и борьбу со врагами и диаволами, с миром и плотию своею, но какая то беда, что где-нибудь случилось бы ему и поткнуться, или быть раненому;

за это укорять нам не должно, потому что инок только лишь поскользнется и упадет, то немедленно вскакивает и бежит вперед, а как только лишь получает рану, то немедля поспешает во врачевницу, в свою келию, и там слезами залечивает свою рану; а мы, миряне, не только что упали, но, упавши, лежим в грязи – о восстании своем и не думаем, но еще более и более в ней валяемся; также уже тысячи ран получили от врагов, все находимся в струпьях; но об излечении своем никто и не помышляет; а хотя и случится нам сделать какую добродетель – подать милостыню или сотворить ближнему помощь, или помолиться Богу, – то всячески стараемся, чтобы сделать это при публике и чтобы все это знали и нас похваляли, или с целью, чтобы Бог дал нам счастье в мире сем, чтобы побольше собрать богатства и получить временную славу; а для спасения души своей едва ли кто делает добродетели.

От этого боялись при мне что-нибудь худое говорить о монахах; иногда и случалось что-нибудь кому говорить о монахах худое, но другой сейчас возражает: «Ей, брат, молчи, об этом не говори: здесь есть монашеский игумен, он за них встанет», – и все замолчат.

28. Живя в мире, я хотя и был юным отроком и предлагаемое все употреблял, что святые отцы позволяли мирянам, но мясо хотя и ел, но его не любил; горячих напитков никаких не пил, с женским полом обращаться не терпел; одеж-

ду носил самую скромную, полумонашескую, служб церковных никогда не пропускал. Ежели нет часовни, то дома читал. Все торжества, крестные ходы и процессии завсегда любил; ходить и присутствовать в Великороссийской Церкви при православном архиерейском торжественном благолепии – и это много делало на мое юное сердце влияния и действия.

29. Где делали собрания раскольники между собою говорить и спорить о верах, то я завсегда находился между собраний этих сочленом, ибо я сам был великий охотник спорить и разговаривать о догматах веры. Ежели сам не узнаю, когда это собрание и где, то за мной сейчас присылают, ибо поповщинский толк имел во мне великую опору и защитника Церкви и священства; ибо множество у меня было друзей и сродников, придерживающихся беспоповского толку, то случалось мне бывать между сотни одному и ночевать у них, и по целой осенней ночи, по 12 часов и более, проводить в разговорах без сна, ибо все толки старались меня склонить на свою сторону, надеясь меня иметь необоримым своим столбом и защитником, ибо юное сердце можно склонить на какую хочешь сторону; но я благодатию Божию устоял против всех бурь непреклонно в своем мнении – при Церкви и священстве; ибо, бывало, натаскаем целые кучи книг древних, рукописных и печатных, а которых не можно было найти древних, или вовсе их еще и не было в перево-

де славянском, те заменяли новыми, как то беседы Евангельские и Апостольские, Златоустого Иоанна, Василия Великого, Иоанна Дамаскина, Богословия, Игнатия Богоносца, священномученика Киприана, Толковый псалтирь, Ириния¹⁷, архиепископа Архангельского, а потом Псковского, его же Толкования на про роков и иных много; на конце этой статьи сделаю выписку из всех тех книг, которыми я доказывал им о вечности Святой Христовой Церкви, Ее таинствах, о священстве и о причастии Тела и Крови Христовой; а наипаче всего более заграждал я им уста и доказывал из Святого Евангелия, из Апостола, ибо против Евангелия и Апостола ничего они не могут доказывать и ничего не находят написанного в свою пользу. Но в книгах святых отец находят себе пролазки и перетолковывают в свою пользу; но и то я объяснял слова святых отец – для какой цели они это писали. Но когда коснешься до Евангелия и Апостола, то они онемеют и молчат против сего, и все соглашаются со мной, и говорят: «Это правда, что трудно без Церкви и без таинств церковных, и без священства спастись почти невозможно; против этого сказать нечего; это правда, что все те, которые находились вне Христовой Церкви, именовались еретиками, или раскольниками, и никто, кроме ее, спастись не мог. Все Святые спаслись и взошли в Царствие Небесное только чрез Церковь, и только чрез эти враты можно взойти в Царствие Небесное. Но ты скажи нам то, которая она есть и где

---

¹⁷ Имя надписано другим почерком, вместо зачеркнутого слова «Прения».

она находится; а церковь Ветковская, при которой ты находишься и к которой принадлежишь, и которую ты стараешься защитить, она истинною Христовою Церковию назваться не может никак, и спастись при ней сомнительно, ибо и ваша церковь не Христова, потому что с Евангелием отнюдь не согласна; так, как и наша, – все единственно, ибо наша Церковь без священства, а ваша без епископства, – ибо это все едино, – как истинный христианин не может быть без священника, так равно и священник не может быть без епископа; а Христова Церковь по Евангелию, и апостольская, должна быть с епископами, ибо Господь Иисус Христос дал власть свою править Церковию и ключи от Царствия Небесного – апостолам, а они поставили вместо себя епископов и передали им власть и ключи Христовы от Царствия Небесного. Вот теперь покажи же нам от Писания, что может ли истинная Христова Церковь без епископа или когда была ли она без епископа, ибо все Писание гласит, что Церковь сопряжена и соединена с епископом, как душа с телом, или как муж с женою, или как глава с туловищем, или, лучше сказать, как со Христом, так и с епископом».

30. Вот тут-то бывает беда моя, вот эти-то огненные стрелы и раскаленные ядра поражали меня; вот тут-то я начну кидаться и бросаться, чтобы найти чем возразить против этого, но не могу ничего найти и встану в тупик и замолчу. Делать больше нечего. Один другому уста заградим,

что все мы не правы, – и помиримся и разойдемся; но после этого бывает скорбь сердечная, тоска и скука, даже, нередко, и болезнь; потому что досадно, что не можем ничем доказать этого. После этого закаиваешься, что впредь ходить на эти споры и собрания не буду. Но после опять позабудешь, ибо по ревности моей за Церковь паки бегу в эти собрания, думая, авось, не даст ли Бог кого-нибудь обратить и убедить к Церкви. Но хотя и казалось мне, что эти прения, собрания и споры не приносили никаких плодов: ни душам нашим, ни Христовой Церкви. Но после оказалось, что Святая Христова Церковь обобрала много плодов, и плодов очень хороших, да и тогда она много обирала, как мы после замечали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.